

Вопросы истории и культуры северных стран и территорий

Historical and cultural problems of northern countries and regions

Научные статьи

УДК 82:821.511.2

Символика птиц в литературе ненцев

Жулева А.С.¹

Аннотация. Статья посвящена мифопоэтическому символизму в ненецкой литературе. Раскрывается художественное значение и функции зооморфных мифологем, связанных с миром птиц, зоонимов как повествовательных элементов, выясняется специфика мировидения северного народа. Автором рассматривается эстетическая и познавательная ценность мифов и фольклора для развития литературы.

Ключевые слова: ненцы, ненецкая литература, символика птиц, мифы, мифологемы, образ, сюжет, мировидение.

Symbols of birds in the literature of the Nenets

Zhuleva A.S.¹

Abstract. The article is devoted to mythopoetic symbolism in the Nenets literature. The artistic meaning and functions of zoomorphic mythologems associated with the world of birds, zoonyms as narrative elements are revealed, the specifics of the worldview of the northern people become clear. The author considers the aesthetic and cognitive value of myths and folklore for the development of literature.

Keywords: Nenets, Nenets literature, symbolism of birds, myths, mythologems, image, plot, worldview.

¹Жулева Альбина Сергеевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН. ул. Поварская, 25а, 121069, г. Москва, Российская Федерация.

Zhuleva Al'bina Sergeevna. Candidate of Science (Pedagogical), Senior Researcher of Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences. Povarskaia str., 25a, 121069, Moscow, Russian Federation.

E-mail: aswjas08@rambler.ru

© А.С. Жулева

Символика птиц у разных народов мира богата и многолика, связана с космологией, небесным и земным мирами. Знаковая суть воплощает прежде всего мечту о полете, удивительную способность птиц преодолевать воздушное пространство, загадочность птичьих голосов, внешних очертаний и цвета, специфика бытования. Птицы нередко предстают носителями знамений, предсказателями будущего.

Как крылатые существа в их знаковости отражены в мировидении ненцев, нашли отражение в литературе? В процессе текстологического анализа значительное внимание было уделено использованию зооморфического компонента в символах, метафорах, способствующих созданию художественных образов. В частности, рассмотрено, как на птиц проецируются понятия и чувства, источник которых оказывается не в них, а в ассоциациях, которые они вызывают в сознании, как проявляются формирующиеся нравственные установки.

Отмечено, что ненецкие поэты и прозаики часто используют зооморфизмы как для характеристики неживых объектов через свойства живых («биоморфизация» неживой природы), так и для изображения живых объектов через свойства неживых («дебиологизация» живых объектов). Представляя имплицитному читателю родной северный край как локус красоты и бурной жизни, Василий Ледков в стихах круговорот и смену времен года, природные изменения тесно связывает с постоянно меняющимся в северных просторах животным миром, в том числе с орнитологическим.

Ясное лето

На птичьих базарах судачит,

И только умолкнет
Взволнованных птиц кутерьма,
спешат куропатки
на сходки свои куропачьи,
как будто поземку
вперед высылают зима.

(В. Ледков. «Дали, где море и суша сшиты серебряной пеней...» Пер. с ненец. Л. Дубаева. Сборник «Штрихи», М., 1980)

Василий Ледков, создавая образы героев своего времени – сложного приобщения к иному социальному устройству – постоянно использует зооморфемы, сравнивает поведение человека с поведением или определенным состоянием животных. Так, осуждая перемены в поведении избранного председателем пастуха Хасавы, который из умелого трудолюбивого и доброжелательного оленевода превратился в «распускающего руки», жадного и злого, «не видящего людей», сравнивает его с больными птицами: «Эта болезнь и у тундровых птиц встречается – у сов да куропаток. У них в пургу глаза защитной оболочкой затягиваются» (вторая часть романа – дилогии В. Ледкова «Люди «Большой Медведицы»).

Рассматривая проблемы психологии искусства, Л.С. Выготский отмечал: «Каждое животное представляет заранее известный способ действия, поступка, оно есть раньше всего действующее лицо не в силу того или иного характера, а в силу общих свойств своей жизни» [1, С.133]. В литературе ненцев нашло отражение особое видение северными жителями окружающего мира и животных, сформированное как мифами, фольклором, так и практической наблюдательностью охотников, рыболовов, оленеводов.

В стихотворении «Кладбище тайн» создать картину борьбы своих сородичей за выживание на берегу сурового Карского моря, подчеркнуть силу, отвагу, а порой гибель морских зверобоев и рыболовов, помогает Лапцу сравнение с битвами в птичьем мире:

А сородичи мои
Бились так в когтях беды,
Как у ястреба в когтях
Куропатка в смертный час.

(Л. Лапцуй. Кладбище тайн. Пер. с ненец. Я. Козловского. Сборник «Пути-дороги». М., 1983).

Автор соотносит конкретные реалии поведения птиц с комплексом человеческих эмоций в сложных ситуациях. Хищный ястреб выступает здесь символом сурового моря, а его жертва куропатка олицетворяет бессилие морских охотников и рыбаков против штормовой водной пучины.

В мечтах лирического героя стихотворения Лапцуй «Отзовись, орел» эта гордая, мужественная, сакральная птица представляется источником поддержки для его поэтического вдохновения. Он обращается к птице: «Эй, орел! Окрыли мое слово, /Одари меня вещим крылом!...» Эта идея возникла у героя под влиянием воспоминаний о детстве, когда его предки во времена кочевья завидев орла, бежали за ним с просьбой «одарить их перышком малым». Они были «уверены в том, /что кормящие стрелы охоты, /Окрыленные этим пером, Будут мчаться орлиным полетом», что охотники вернутся домой с добычей. Орлиное перо для них – символ души птицы, которая станет сопутствовать их будущей удаче:

...расправив орлиные перья,
И орлиною грудью дыша,
Будет чутко выслеживать зверя
В них сокрытая птичья душа...

(Л. Лапцуй. Отзовись, орел. Пер. с ненец. М. Яснова. Сборник «На оленьих тропах». Свердловск, 1982).

Следует отметить, что использование птицы как символа души было широко распространено в русской поэзии XIX – начала XX вв., говорили о душе как птице уже Гераклит и Платон («Федр»). Как видим, образ-символ, связывающий птиц с душой, присутствует и в литературе северного народа.

Мифологемы птиц, символика их крыльев, их гнезд в произведениях ненецких авторов споспешествуют раскрытию психологического состояния героев, объяснению причин создавшихся сложных ситуаций, а также пробуждению эмпатии, сопереживания у читателя. Главный герой повести Анны Неркаги «Молчаший» не рассказывает окружающим о своих жизненных тревогах (он не может решиться окончательно расстаться с мыслью, что его любимая девушка вернется в стойбище, не может принять невесту, выбранную матерью по прежним традициям), разгадать его поведение, постичь его молчание помогают читателю внутренние монологи. В них он сравнивает свое состояние разбитой любви, возникшую в сердце пустоту с птичьим гнездом, из которого улетел

последний птенец, «оставив только пушок от перьев». Свою растерянность перед жизненной коллизией молодой оленевод передает мучительными безответными вопросами : «Чем заполнить пустоту гнезда? Какая птица сложит усталые крылья, найдя в нем приют и ласку»? Чувство сострадания появляется при чтении этих тревожных вопросов.

Обретение крыльев связывается со свободой, освобождением от земных тяжестей, с обретением сверхчеловеческих возможностей. «Наши крылья – олени ноги: /И в пургу, и в холода / Эти крылья в любой дороге / Ненца выручат всегда», - перемежает автор прозаическую речь поэтической. Дискурс наполняется традиционным образным вариантом убеждения – с помощью песни-самоскладацы. Переход от прозы к поэзии, к песням пришел в ненецкую литературу, как известно, из народнопоэтического творчества народа.

Окрыление в поэзии нередко связано с творческим вдохновением: «На крыльях туч приходит вдохновенье / И согревает в эту ночь меня», - пишет Алексей Пичков в стихотворении «Уходят в ночь морозную олени...». А в другом он ассоциирует стихосложение с появлением в гнездах птенцов:

Вот так рождаются слова:
Как на земле растет трава,
Как из гнезда во все концы
Взлетают робкие птенцы,
Потом окрепнут крылья их –
Так крепнет мной рожденный стих.
Строка к строке – и есть крыло...»

(А. Пичков. Вот так рождаются слова...)

В процессе анализа образов и мотивов, сюжетных ситуаций в литературных произведениях, постижения семантики в мифах появилось твердое убеждение, что отношение героев к птицам в литературе опосредованно отражает древнюю мифогенную традицию. Так, в романе-дилогии В. Ледкова «Люди «Большой медведицы» рыбаки во время путины наблюдают за поведением чаек и узнают, где больше рыбы, бросают им на корм рыбу, а когда чайки пытаются клевать рыбу на вешалах, прогоняют, но не ругают их, называют их «остроглазыми птицами». Причина своеобразного отношения к чайкам кроется в мифологии, где они представлены помощницами и

защитницами людей, предсказательницами, которых нельзя обижать.

Согласно одному из ненецких космогонических мифов о сотворении мира верховное божество Нум, внимательно рассмотрев сделанную хозяином семи ветров птичку, приказал всем: «Никто не должен трогать, убивать халэв. Кто убьет, тот будет наказан. Пусть с этих пор халэв вызывает хозяина семи ветров и насылает сильные ветры на людей, которые обидели его». Тот, осознав свою вину в гибели многих людей, решил в помощь себе и людям создать птичку, которая бы предупреждала людей о прибытии ветра и показывала его направление. Вдохнув в птичку жизнь после одобрения своего творения Нумом, хозяин ветров вынес ее на улицу и сказал: «Люди на реке ловят себе рыбу. Будешь летать над речкой и показывать им направление ветра, люди за это будут кормить тебя рыбой». Но однажды рыбак не дал халэву рыбы, и обиженный халэв полетел на встречу с ветром. Хозяин семи ветров наказал обидчика за неуважение к птице.

По всей видимости, знание этого мифа сформировало наблюдение ненцев: когда чайка летит против ветра, значит надо ждать беды. Поэтому рыбаки оберегают чаек, стараются накормить птицу рыбой, чтобы не лишиться хорошего улова. Об основанных на мифах представлениях ненцев о природе и человеке писали фольклорист З.Н. Куприянова, этнограф Л.В. Хомич, исследователь мифов и религиозных верований ненцев Л.А. Лар. В статье «Устройство мира космоса и божеств в мировоззрении ненцев в XVIII - начале XX века» [2] Е.А. Лар пишет о том, что представители животного мира активно соучаствовали в формировании социально-культурных традиций.

Ненецкая литература создает некую обобщенную модель бытия при поддержке мифологем, в том числе зооморфных, связанных с орнитологией.

В повести Николая Вылки «Марья» представлена картина, свидетельствующая о существующем в мире животных «социальном» устройстве, которое нельзя, по мнению героя, назвать справедливым, поскольку «среди гаг чайки – как дети богачей, а гаги плавают, нахохлившись, словно ищут себе тепла и огня». Главный герой Пыя Нарка сравнивает свою судьбу с мучениями гагары. Отмечая, что чайки кричат «словно бранчливые женщины», он вспоминает свою бывшую хозяйку, у

которой работал, и мысленно обращается к птицам : «Прежде моя хозяйка, как вы, без толку бранилась». Чайки агрессивны, отнимают у гаг принесенные ими ракушки. Завидев вынырывающую с ракушкой гагу, чайка с криком набрасывается на нее и ловит ее. Наблюдая эту картину, герой вспоминает другую свою жизненную ситуацию: хозяин отнял почти всех оленей в уплату за потерявшихся или заболевших из общего стада, которое он пас.

Гагара в ненецких мифах и сказках – превращенный в птицу человек. В одном из мифов о создании Нумом земли сказано, что верховное небесное божество сделал для своего развлечения человека, но не знал, где его поселить. Решил Нум создать для него землю и стал искать способ, как достать ее из воды. Превратил он первого человека в гагару и приказал спуститься под воду, принести немного земли, которую пообещал превратить в большую землю. Прилетев на середину моря, гагара стала нырять и через каждые семь дней приносить сначала песок, потом ил, а на третий раз – кусочек земли. Нум все соединил и бросил на воду, а сам пошел отдыхать в свой небесный чум, забыв про гагару. Долго ждала она Нума, а потом заплакала горькими слезами, свила себе гнездышко рядом с водой. Снесла яйца, но одно из них бросила хозяину воды в знак благодарности, что разрешил вынести на свет землю. Бросив яйцо, она стала жалеть не вылупившегося птенца и снова стала плакать. С тех пор гагара приносит в жертву хозяину воды одно яйцо. И каждый раз оплакивает своего невылупившегося птенца. «Поэтому мы часто слышим горькие крики гагары», – утверждают ненцы.

В другом мифе-сказке в гагару превратился рыбак, который, услышав шум, вышел из любопытства узнать причину и был подмят несущимся стадом оленей. Он подполз к воде в стонах и опустил ноги, а потом и руки в воду. Боль утихла, но ноги превратились в лапки, а руки – в крылья. Заплакал он горькими слезами. Пришла на берег жена, но в птице мужа не признала. «С тех пор гагары плачут и стонут от боли и оттого, что потеряли свой человеческий облик».

Василий Ледков в «Месяце Малой Темноты» не раз использует плач гагары для того, чтобы подчеркнуть горести и безвыходность положения героев, выразить их отношение к поведению других людей. Так, пастух Егор Явтысый, замученный непосильным трудом и жестокостью хозяина, утром

слышит «по-женски горькое рыдание гагары», настолько горькое, что ему тоже хочется заплакать. Героиня Саване, наблюдая за гагарой, отмечает сначала странное ее поведение: «Изогнув дугой шею, она не ныряла и не уплывала от берега, а как-то забавно кряхтела. Стараясь вспугнуть птицу, Саване покрякивала на нее и гремела пустыми ведрами. Гагара казалась бесстрашной: она только вытягивала шею и медленно повернула в сторону Саване свою ширококлювую голову». Наклонившись, женщина поняла: птица защищает два «продолговатых, с темными крапинками яйца». У самого берега вынырнула гагара и скорбно, почти «по-человечьи зарыдала». Для Саване, мечтавшей о детях и не имеющей их, картина защиты гагарой своего потомства стала своеобразным потрясением. Она вспомнила то, как однажды ее муж Одерма, увидев, как на воде «играли две гагары, они то ныряли, то всплывал рядышком», «играли свадьбу», выстрелил из винтовки и просто «чтобы глаза и руки от винтовки не отвыкли», убил одну из них. Эта всплывшая в ее сознании картина словно высветила жестокость, бесчеловечность мужчины, с которым она жила по воле родителей, была выдана за него вопреки ее воле, поскольку любила другого. В ожидании долго не возвращающегося мужа героиня плачет не сдерживаясь, «напоминая рыдающую над озером гагару», сравнивает себя с этой одинокой птицей и завидует ей, поскольку у той «вот-вот будут дети».

Гагара в произведениях Ледкова выступает в основном как птица печали, птица, скорбящая о прошлом или настоящем.

Таймырский поэт и прозаик Любовь Ненянг в записанном и обработанном ею мифе-сказке «Девушка и гагара» представляет еще один вариант космологического мифа о происхождении гагары. За девушкой, любившей сидеть на берегу озера, внимательно наблюдала и очень близко подплывала к ней большая черногрудая гагара. Однажды девушка сняла пояс, сделала из него силок, чтобы поймать гагару, и спряталась в кустарнике. Но гагара схватила пояс и улетела. Весной птица вернулась, перевязанная поясом девушки, и вновь стала подплывать к ней, а иногда и прилетать к чуму. В конце лета птица вышла на берег и превратилась в красивого парня-богатыря в богатой одежде с ее поясом. Он предложил ей пожениться. «Говорят, молодой муж хорошим рыбаком и охотником стал. И теперь у него много оленей. Всем

он выделялся: и силой богатырской, и красотой особенной, и старанием в делах. Долго и счастливо жили они с женой – красавицей и мастерицей, много детей имели, а потом и внуков»

Анна Неркаги в повести «Белый ягель» дискурсивно вставляет в текст более древний, еще не связанный с Нумом, миф о происхождении плача гагары. Автор при поддержке мифа развивает мотив проблемной, наполненной драматизмом подготовки к завершению жизненного пути, заостряя вопрос об ответственности детей за своих родителей. В повести двое пожилых оленеводов Пэтко и Вану ведут беседу о трудностях, связанных с одиночеством и ослаблением жизненных сил в конце жизни. Рассказанный миф о гогаре наводит героев на глубокие раздумья и важные решения. Миф погружает во времена, когда «все живое подчинялось одному закону – закону солнца». На берегу озера жила семья гагары. Отец - гогара имел много оленей, и дети привыкли жить в праздности, дрались около растерзанной туши оленя, которого вечером после захода солнца приводил отец, царапали лицо матери, не разрешая подходить к туше, пока они не насытятся. Солнце не видело их проделок, но однажды последний лучик оглянулся и увидел злобные пиры. Рассерженное солнце наказало гагар, затопив жаром их землю. С тех пор от страха перед солнцем и плачут на берегу гагары. Рассказчик произносит резюме, перенося происходившее на людей: « Прошлое темно, и кто знает – в давней давности, может, и человек не признавал законов труда и добра, и жил гагарой и его манит к себе темное кровавое прошлое. Тоска заливает душу, и он плачет на берегу жизни совсем как гогара». Выслушав миф из уст друга, осиротевший Пэтко, которого забыли дочери, убеждает, что его плач никогда не будет плачем гагары. А друг Вану молча размышляет о птицах, в жизни которых можно найти примеры, как для отрицания, так и для подражания. Его радует, что птицы ранней весной возвращаются в оставленные гнезда, он приходит к жизненно важному заключению : «...не будет на земле птичьих гнезд, этих маленьких святынь, не станет и человеческих. И не кто-нибудь, а именно человек в ответе за судьбы больших и маленьких гнезд, и своих, и птичьих».

Представители старшего поколения Вану и Пэтко постоянно в мыслях и беседах уподобляют птицам своих детей, оставивших их. Вану задумывается, почему его сыновья, приезжающие летом, кажутся большими странной, птичьей

болезнью: «крылья есть, оперение целое, а летать не могут». Полет же сыновей герой ассоциирует с умением владеть мастерством оленевода, способностью выживать в условиях тундры. Даже простейшие действия – собирать и бросать ловко аркан, работать топором – им недоступны: «Берёт сын в руки аркан, а толком ни собрать, ни бросить не может. Топор возьмёт – сразу отберёшь, кажется, вместо дерева он возьмёт и оттяпает себе обе ноги».

С помощью зооморфизмов, сопоставляя отношение птиц к своим гнездам с умением людей строить «гнездо любви» раскрывает Неркаги специфику народной педагогики ненцев. Имплицитный автор-рассказчик размышляет о том, что в отличие от птиц, которые прилетая на родное озеро, сразу же заботливо начинают вить гнёздышко, люди делают «гнездо любви», не заботясь о самой любви: «мол, вытерпит, живуча, строят «мрачно и непрочно», «торопливо, жадно, порой постыдно». И такое отношение к любви гонит прочь ее «прекрасную душу», «остается лишь «тощий скелет». Обиженная отношением сына к живущей в чуме девушке мать героя мысленно обращается к нему, предлагая задуматься над поведением птиц, взять с них пример: «Почему бы людям не поучиться делать гнёзда любви у птиц небесных? Птичка-женщина всю себя общиплет, лучшие и тёплые пёрышки у себя пообрывает и лишь потом избранника позовёт для любви. Хотя и среди птиц есть дурные, например, гагара. Кочку моховую полохматит, ямку в ней наскоро потопчет — вот и всё гнездо. А потом у озера горько плачет, если ветер разнёс её нехитрое жильё, если муж гагара клюнет её в злобе, если хищник разроет незащищённую хитростью кочку».

Свой обряд подготовки брачной постели для сына героиня сопровождает заклинанием, в котором активно участвуют зоонимы:

«Пусть не гагарьим гнездом сделают руки и сердце постель сына. Пусть верность орла и нежность белой лебеди поселятся в нем. Злой ветер зависти не развеет, и падальный ворон не прилетит, счастье сына не расклюёт. Чтоб не плакал сын одинокой гагарой, когда наступит осень жизни».

Заклинания с использованием зоонимов были традиционны у ненцев. Ими пользовались не только женщины, но и мужчины, собираясь на охоту или рыбную ловлю, на

морской зверобойный промысел, что нашло отражение и в фольклоре, и в литературе.

Семантика образов птичьего мира расширена ненецкими поэтами и прозаиками благодаря самому важному компоненту – индивидуально-личностному, отражающему мифологическое авторское понимание образов. При этом подтверждается, что в роли мифа выступает не только мифология в узком смысле, но и исторические предания, бытовая мифология, фольклор.

В поэзии и прозе ненцев в словах и поступках героев часто проявляется умение понимать язык птиц и зверей. Лирический герой стихотворения Пичкова «Бьет кустарник рыжий по щеке...», шагая по неизведанному пути, устремленный к покорению стихии, словно «слышит» в птичьем щебетании разговор о дожде: «Мне понятны птичьи разговоры: / Я и сам мечтаю о дожде». Способность героя не придумана и не мистическая – ненцы на основе длительных наблюдений выработали умение распознавать по птичьим голосам их «разговоры», которые в быту всех народов именуются порой приметам.

Для предсказания погоды и определения, соответственно, своих будущих действий, ненцы использовали нередко как издаваемые звуки – песни птиц, так и их внешний вид в тот или иной момент и даже внутренности (кости, хрящи и др.). Герои романа Ледкова «Люди «Большой Медведицы», беседа о погоде, отмечают:

«Лето будет жарким. Чирок про то сказывает: видели небось: грудная кость у него, как стекло. Правда, есть небольшие тени – значит, к концу лета тучи сгустятся.

– Грудная кость у чирка иногда врет, – не согласился Игнатий.

– Это-то да... – не стал спорить с ним Пета. – Молодая птица – одно, старая – другое. У прошлогоднего выводка кость всегда потемнее: хрящ еще не совсем окостенел. Для оленевода жаркое лето – беда. Для рыбака – счастье. Я не всем приметам верю. Вон сейчас у каждой рыбы пузырь до отказа надут. А ведь говорят, к штормам это.

– Бывалые люди так говорят – к штормам, – подтвердил Митро. – Не прав ты, в каждой примете есть какая-то истина, тут уж ничего не скажешь. Ведь люди это жизнью проверили...»

Беседа героев – убедительное свидетельство наличия у ненцев «бытового барометра» – примет, основанных как на

собственном опыте, так и на опыте предков. Мифы и легенды, этимологические сказки, а также высоко развитая наблюдательность за жизнью животных послужили основой для умелых (точных) предсказаний погоды.

В рассказе Вэллы «У заброшенных гнездовий» впервые приехавший в лесотундру по приглашению молодого ненца городской житель Саня с восхищением наблюдает жизнь птиц на берегу удаленного от жилья озера, за тем, как пара величественных орланов-белохвостов заботится о своем птенце. Орлан – птица сакральная, сильная, способная защитить от нападок не только свое гнездо, но и гнезда других более мелких птиц. «Под орлиным гнездом на соседних кустах, березках, сосенках, на кочках, под выворотнями, под валежинами, прямо в траве, на некотором расстоянии от берега и совсем у воды было множество различных по величине и по форме птичьих жилищ. И не случайно мелкие птахи выбрали себе гнездовье здесь. Когда орланы, защищая своего птенца, нападают на своего врага, приблизившегося к гнезду, этим самым они защищают все птичье гнездовье».

Героя поразила неожиданная многоголосая песня журавлей. «Вдруг, он даже вздрогнул от неожиданности, где-то рядом, на соседней болотине, громко, звучно, словно торжествуя, затрубил журавль. Песнь его еще не кончилась – ее подхватил откуда-то второй, третий. И уже в следующий миг невозможно было определить, сколько их участвовало в оркестре. Великая птичья мелодия поднималась все выше и выше, разносилась по широкому простору лесотундры, затопляя собой дальние ее уголки. И в какое-то мгновение было не различить, то ли журавли еще трубили, то ли уже эхо отзывалось.

Звуки песни оборвались так же внезапно, как и начались. Вокруг стало тихо-тихо, словно мир был оглушен. И в этой тишине, блеснув последний раз по молодой листве, по лазурной траве, по теперь уже не белым, а огненным цветам кривой рябины, погас последний луч уплывшего за горизонт солнца. Музыка, дополненная светом! Световая гамма на закате солнца, дополненная звуковой гаммой птичьих голосов! Что может быть сладостнее гармонии звука и света, отразившейся в человеческом сердце!»

Так птицы провожали солнце на ночлег. И под воздействием красоты и гармонии в северном крае Саня решил

приехать сюда на следующий год вместе с семьей. Каково же было удивление, когда через год уже не было слышно журавлей, а гнездо орлана было полуразрушено – слышен был лишь шум моторов на противоположном берегу озера, где уже стояла нефтяная вышка. Рассказ Вэллы – трагедия разрушенного гнездовья, потревоженного миропорядка в природе, эмоционально воспринятая человеком из другого пространственного мира.

Философ Жан Жак Руссо, размышляя о происхождении и основаниях неравенства между людьми утверждал, что сострадание вытекающее из отождествления себя с другим – не родственным, не близким, не соотечественником, а просто с любым человеком, поскольку тот является человеком, более того, с любым другим живым существом, поскольку оно живое, появилось еще в первобытном состоянии. Актуальное сохранение его в условиях развития цивилизации. Проявляющееся же в литературе ненцев сострадание к природе, обретенное авторами, в первую очередь, благодаря мифам, легендам, сказкам, эпосу – убедительное свидетельство истинной любви их к родному северному краю, отражение специфической сакральной связи с природой.

Символика орнитологического мира в ненецкой литературе многолика, образы-символы птиц построены на соотношении с человеком, с комплексом его чувств, что высвечивает перспективы дальнейшего исследования национального характера и мировоззрения народа, его ритуалов, обычаев, традиций.

Список литературы и источников

1. Выготский Л.С. Психология искусства. М. , 1986.
2. Лар Л.А. Устройство мира космоса и божеств в мировоззрении ненцев в XVIII- начале XX века // Журнал «Известия РГПУ им. А.И. Герцена». 2009.
3. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998.
4. Мифы и предания ненцев Ямала. / Автор-составитель Л.А. Лар; Иллюстрации Л.А. Лар. Тюмень: Издательство ИПОС СО РАН, 2001.
5. Ненецкий фольклор. Составитель З.Н. Куприянова. Л.,1960.

6. Руссо Жан Жак. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Электронный вариант.

7. Хазанкович Ю.Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера: Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009.

8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика./ Пер. с нем. СПб.: «Академический проект», 2003.

9. Хомич Л.В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.